

Дженнифер Харрис. ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ:(ИЛИ О ТОМ, КАК СПРАВЛЯТЬСЯ С ИЗОЛЯЦИЕЙ, НАСИЛИЕМ И ЗЛОСТЬЮ)

(Перевод М. Киблицкой)

Резюме

Эта статья фокусируется на интенсивных эмоциях, которые испытывал новичок этнограф. Главный мой аргумент - это подтверждение факта, что эмоциональное воздействие событий в поле позволяет этнографу анализировать рефлексивно различия между своими ценностями и ценностями других'. Видение тех же событий вне эмоций, произведенных по прошествии времени с момента кризиса, может разрешать и облегчать анализ каждодневных социальных отношений между участниками. Иметь дело с персональным воздействием этих эмоций непосредственно в период какого-то действия - это совсем другое дело. Очень немногие другие (наблюдатели, академики) хотя и имея благие намерения, оценят глубину этих эмоций а также те проблемы, которые они влекут за собой для одинокого исследователя в поле. Мои аргументы иллюстрируются рефлексивными полевыми заметками и стихами, которые возникли при этнографическом изучении глухих людей в Британии.

Введение

В течение заключительного года моего обучения и тренинга по курсу социальной работы, меня распределили поработать с группой патронажа для глухих в одном из городов на Северо-Западе Англии. Именно будучи там я поняла, что существует целый мир - Мир Глухих, к которому мы, как люди слышащие, имеем либо очень маленький доступ, либо не имеем его совсем, и этот мир вращается вокруг Английской Азбуки Глухих. Начав изучать его, Я очень быстро поняла очарование этого совершенно непонятного мне языка, политику его использования, и, конечно, пользователей этого языка - глухих людей. Переходя из библиотеки в библиотеку, чтобы написать мою диссертацию, я поняла, насколько недоисследованы эти проблемы, и как немного известно о социальных аспектах Глухоты. И когда возникла возможность пойти в аспирантуру, свое исследование я решила посвятить этнографическому изучению социальных и политических аспектов Глухоты. Это исследование и является основой данной статьи (Harris, 1995A).

Цели изучения состояли в том, чтобы понять культурную интерпретацию термина 'Глухой', которая имеет очень определенное значение среди группы радикальных Глухих; понять, как группа реагирует, слушая людей в господствующем обществе и, понимать границы, которые Глухие люди рисуют между "Их миром", - 'Миром Глухих" и Миром Слышащих (см. Harris, 1995B). Эта культура основана на Британский Азбуке Глухих (BSL), и доступ к этой культуре - строго связан со знанием этой азбуки. Поэтому,

моя первая цель состояла в том, чтобы улучшить мои элементарные навыки в BSL и, так как Глухие люди не живут в дискретном географическом сообществе, мне было необходимо продумать все стороны того, как я могла бы достигнуть две основные цели этнографической работы:

1. Понять культурную интерпретацию термина «Глухой», который имеет свою специфическую интерпретацию среди группы радикальных Глухих, которых я изучала.
2. Пожить какое-то время с рассматриваемой группой и достичь уровня мастерства языка, чтобы облегчить близкое взаимодействие с членами группы.

Возможность для достижения обеих целей возникла, когда мне удалось пожить с группой Глухих людей в реабилитационном центре. Доступ был облегчен посредством бывшего работника патронажа для Глухих, кто стал частью команды управления в этом реабилитационном центре. Поскольку меня также интересовала политическая жизнь Глухих людей, я также постаралась поближе познакомиться с национальной организацией Глухих людей, Британской Ассоциацией Глухих, (BDA), и начала переговоры, касающиеся разрешения взять интервью у их членов на следующий год.

'Решив' таким образом проблемы доступа к пользователям языка глухих (BSL) и сообществ глухих людей, я поняла, что это было только начало. Глухие люди были помещены в центр реабилитации на основании их недостаточных умственных возможностей или вследствие определенных препятствий для обучения, и травмирующие события, описанные ниже проиллюстрируют это лучше, чем что бы то ни было. Действительно, BSL использование единого языка было единственной общей чертой, объединяющей участников; закрытая система установленной практики (Goffman, 1961) подразумевала, что резиденты имели очень ограниченные возможности каким-то образом оспорить те способы, с помощью которых о них заботились. Вследствие этого резиденты, в силу сложившихся обстоятельств, имели очень немногочисленные контакты с внешним миром, и очень ограниченные возможности для того, чтобы пожаловаться по поводу способов заботы о них или по поводу способов лечения. Но если же им было необходимо это сделать, то они должны были осуществлять это опять же через штатных сотрудников, поскольку только они могли изъясняться на языке глухих. Это конечно, влияло на то, что представители штата могли закрывать глаза на жалобы пациентов

Как будет показано ниже моя роль в этом центре была иногда проблематична, так как резиденты порой с трудом понимали различия между "исследователем" и "сотрудником". Учитывая то, что я уже сказала выше о контактах с внешним миром, моя работа казалась очень странной многим из резидентов, и я потратила достаточно много времени объясняя что я собственно делаю в этом центре. Я вела дневниковые записи относительно всего, что мне показалось интересным, но также я записывала и весьма много о том, что в то время мне казалось вполне тривиальным. Все свои записи я переводила на портативный компьютер. Хотя большая часть анализа должна была начаться в тот момент, когда я оставлю поле, я попыталась провести параллели и сформировать определенные связи между различными типами опыта. Это впоследствии

мне очень помогло, поскольку я использовала мои первые аналитические записки в качестве указателя в начинающемся анализе данных. Метод был основан на обоснованной теории (Glaser и Strauss, 1967) и я использовала качественную программу компьютера исследования, Atlas., потому что она поддерживает эту методологию. Сырые данные были разнообразны по своей природе. Этнографические записи о том, как я изо дня в день встречалась с моими резидентами сформировали большую часть материала; но там были также расшифрованные интервью с членами радикального Комитета Глухих, записи с Конференции Глухих и моя собственная рефлексивная записная книжка. К концу полевого периода, я прожила в обществе в общей сложности 10 месяцев, и опыт, описанный ниже основан непосредственно на материале, из моей записной книжки того периода..

Статья разделена на пять секций. Первые три имеют дело с эмоциями, основанными на моем реальном опыте, пока я была "в поле". Четвертая - отражение моего состояния после того, как я уже вышла из поля, и представляет собой скорее процесс того, как эмоции воздействовали на формирование моих размышлений. В этом разделе выдвинута на первый план важность того, как события вспоминаются и как возможно использование таких воспоминаний в последующем изучении данных. Заключительная секция заключения пытается соединить мой личный опыт с литературой по феминизму, социологии эмоций и этнографии.

Изоляция

Это очень сложная проблема, когда ты 'отличен' от выбранного тобой поля, а кроме того, это еще и проблема другая - проблема изоляции от культурной системы господствующего общества. Во многих случаях, оценка этой изоляции и ее эффектов чрезвычайно важна, потому что только подтверждая наше отличие от той группы, к которой мы принадлежим можно понять культурные системы других групп. Чтобы проиллюстрировать эту точку, я хочу процитировать поэму, которую я написала в течение одного такого изолированного эмоционального опыта:

Полевые записи. Извлечение № 1

Поэма - Нет, Грустная Поэма, о том, как мне здесь одиноко

Хотя всегда и кажется кратким этот путь,

Но нет ему конца и края.

ОБОСОБЛЕН, вдали

без друзей, без родных, без поддержки

Я нахожусь ВНУТРИ и все же ИЗВНЕ

- как странно это чувствуется здесь.

Да, путь исследователя - волка путь в пустыне

Ты должен сильным быть, чтоб вскрыть явлений суть.

Иди ищи вскрывай еще не вскрытые глубины

Ищи в своих же собственных пределах силы

Держись чтобы идти, когда уже нет сил

Когда уверен ты, что не переживешь ни дня здесь больше

Ты все же продолжай искать.

Понимая, что литературная ценность этой поэмы равна нулю, тем не менее мне бы хотелось отметить, что в начале моего исследования, я осознала проблему, которая состояла в том, что я не являюсь частью чего – либо: я не была частью сообщества Глухих людей, равно как я не принадлежала к культуре персонала. И если даже в обеих этих группах имелись резервы для моей поддержки, тем не менее вначале моего исследования я не могла их использовать. Я принадлежу к совершенно другой культуре имя которой 'Университет'; это мир абстрактных идей и книг, и мира, который был очень далек от условий в поле. Эти эмоции были усилены различием языка тех людей, которые находились в поле. Факты проживания и работы на другом языке говорят о том, что опыт изоляции неизбежен. Я не была 'ВНУТРИ' точно из-за моего различия; мой статус человека, который в основном слушает, предотвратил мое вхождение ВНУТРЬ. Однако, мои навыки развития на языке дали мне возможность (в конечном счете) стать частью этого мира ВНУТРИ, хотя и одновременно находится ВНЕ его. Фактически, только позже в исследовании, я узнала, и оценила, что именно это различие и то, что я выгляжу другой и предопределило мой успех в качестве исследователя, поскольку именно это различие дает возможность оценивать и задавать вопросы по поводу любой вещи, которые члены группы уже не замечают и начать понимать их с точки зрения аутсайдера. Поэтому анализ чувств изоляции, демонстрируемой в поэме позволили мне контекстуализировать их, с помощью попытки поместить себя отдельно от других участников этого реабилитационного центра; это же позволило мне увидеть, как некоторые члены группы были Внутри, а другие не могли попасть в этот замкнутый круг. В пределах этого центра, некоторые Глухие люди были замечены в пределах группы как 'хорошие' люди, в то время как другие, были предоставлены сами себе. Первая группа была больше Внутри, потому что она следовала незаявленным правилам группы, типа "быть добрыми и полезными друг для друга», "соблюдать правила распорядка» и так далее. Те, кто были исключены из членов группы не подписывались под этими правилами, (люди типа Виолетты, но о ней речь пойдет немного позже), на этих людей нельзя было полагаться или их мнение постоянно менялось. И эти социальные отношения стали очевидными только через реакции членов группы во время кризиса. Я буду пытаться продемонстрировать это, описывая проблемы насилия в центре.

Насилие

Проживание в Центре подразумевало, что насилие возникало каждый день. Это не значит, что возможно привыкнуть к этому, хотя я была поражена, когда обнаружила, что персонал привык к сильным вспышкам насилия со стороны резидентов, и в большой степени научился даже ожидать это. Будучи человеком, который с одной стороны является включенным, а с другой стороны исключенным, бороться с такого рода насилием или терпеть его было чрезвычайно трудно. Резиденты и персонал имели свои групповые нормы и процедуры как бороться с насилием; в то время как этнографы нет. Кроме того, Университетская система поддержки, (наблюдатели, академики, и другие) хотя и многозначительна, тем не менее она не всегда обладает знаниями о том, что делать с эмоциями, порожденными насилием в определенной среде. И здесь я намереваюсь проиллюстрировать эту точку зрения с помощью моих полевых записей

Полевые записи. Извлечение 2.

Сегодня Я сидела в офисе, и наблюдала за живой природой. Офис - центр для всего,

что случается в нашем маленьком мирке, так что это - хорошее место, чтобы просто послоняться. С другой стороны это достаточно ценное место для того, чтобы видеть большое количество различных стилей поведения и подводных значений. Это - также абсолютная граница между штатом и резидентами - место споров, объяснений, примирений, возмездия, лечения - место власти - интерфейс между слышащим персоналом и Глухими резидентами. В этот день в офисе дежурили два работника персонала, один старший, один младший. Старшего вызвали далеко на другой участок. Младшего вызвали в Административное здание, чтобы разобраться в какой-то проблеме. Могла ли я отвечать на звонки по телефону, или я должна была просто присматривать за всем происходящим? Сколько раз это случалось уже раньше? Телефон звонил постоянно – и из него слышалось все - от требований о повышении заработной платы персоналу до дискуссий по вопросу о неправильном лечении больных резидентов. В офис вошла резидентка Виолетта. Она должна была быть на 'работе' на участке, но отпросилась - она предпочитает сидеть в офисе, курить и наблюдать за мной. На кого я похожа в ее глазах, мне интересно? Я сижу, становясь все краснее и краснее с каждой минутой, и играя кусочком пластмассы - сцена должно быть не имеет смысла вообще. Я знаю эту резидентку хорошо. Ее характер известен среди всего персонала. Виолетта, весьма буквально, бомба времени. Она иногда пассивна, особенно, если она имеет доступ к большому количеству сигарет, но если этого нет, и если потребуется сделать что-то, что она особенно не очень-то и любит ... Да, я видела последствия такого ее состояния несколько раз. Полет Мебели, никакого отношения не имеющий вообще, кого или что эта мебель заденет, оскорбительные угрозы жестами, сопровождаемые поспешной ретировкой.

Я смотрел на нее, она смотрела на меня. Я сразу почувствовала, что она в плохом настроении. Я думаю: "О ДОРОГАЯ. ПРОБЛЕМА, КАКАЯ?" Я пытаюсь знаками спросить у нее: «ЧТО ВЫ ХОТИТЕ? НИЧЕГО? ВЫ ГОЛОДНЫ?» В ответ - Ах. Старо как мир, нет ни денег, ни сигарет. Я вспомнила подобную же сцену вчера вечером, когда она наконец-таки выудила фунт у старшего - она не заработала фунт, конечно, и сегодня его вычтут из ее жалованья и сегодня опять у нее не будет денег и никакой мелочи, и теперь это - моя проблема, а не старшего! Она сидела очень близко ко мне в одной стороне стола. Вдруг вошли еще две женщины - резидентки Каролина и Фиона. В настоящее время Виолетта (как я случайно узнала), ненавидит сильно и Каролину и Фиону. Виолетта начинает обзывать Каролину, дразня ее по поводу того, что у нее роман с одним парнем из персонала. Каролина в ответ говорит ей, чтобы она заткнулась. Но Виолетте "море по колено". Фиона подключается, начинает быстро быстро что-то показывать Виолетте и становится пунцовой от напряжения. Внезапно Виолетта начинает ПИСАТЬ УБЬЮ ВАС, УБЬЮ ВАС, Я ВАС УРОЮ. В этот момент, к моему ужасу, она схватила большие ножницы со стола и начала делать резкие движения в адрес Каролины, Фионы и меня. Мы были все испуганы и, естественно, это было видно по ужасу в наших глазах. Виолетта действительно наслаждалась, самозабвенно и с умилением размахивая оружием. Я знаю историю о ее беспорядках. Я наблюдала ее ежедневно в течение более чем двух месяцев, она часто могла достаточно долгое время говорить о тех людях, которые не присутствовали в данный момент вообще. Если бы я подскочила к ней в этот момент, нанесла бы она удар мне? Да и было ли это моим делом защищать других резидентов? Почему я оказалась в этом

глупом положении? Не было никакого смысла кричать - я была единственным слышащим человеком в этом центре. Я попробовала оставаться спокойной и решила что, поскольку она очевидно наслаждалась тем эффектом, который оказал на нас ее поступок, решила, что наилучший выход из создавшегося положения - это абсолютное спокойствие и решила, что я должна пробовать выглядеть незаинтересованной. К моему большому облегчению это сработало. Ей надоело и она положила ножницы на стол. Я быстро убрала их в ящик: ЗАЧЕМ ВЫ ЭТО СДЕЛАЛИ? ГЛУПАЯ ВЫ! - начала говорить знаками Виолетта. Ах, я не столь глупа, как Вы думаете!

Много позже, когда я возвратилась в Университет и начала сортировать свои наблюдения в качестве участника событий, я вдруг поняла, что этот инцидент не был изолированным опытом – что на самом деле в этом центре имелось много форм насилия, и самое удивительное, это то, что я сама настолько акклиматизировалась и свыклась с этим насилием, что я была должна отступить на шаг, освободиться от той среды и только потом понять все это. Я перерыла всю этнографическую литературу по поводу того, как себя вести в ситуациях, связанных с насилием, но нашла очень мало полезного, кроме единственного источника Lee (1995) который представляет очень приблизительный перечень возможных типов опасностей, без особого вступления в детали, о том, как все-таки вести себя когда имеешь дело с эффектами регулярного насилия.

Фактически, физические поединки между резидентами были слишком частыми, и когда персонал вовлекался в разборки, то они часто получали даже травмы. Однажды вечером я вошла в офис, и нашла одного из сотрудников мужчин лежащим рядом с огромным столом регистрации в шоке. Он попытался вмешаться между двумя борющимися резидентами, и один потянул стол на себя. Когда сотрудник попытался остановить это падение, огромный стол приземлился на его руку. Еще битый час потребовался для того, чтобы убедить его пойти в травмпункт больницы, поскольку он считал, что это недостаточное оправдание для того, чтобы уйти и оставить "нервных" резидентов наедине с самими собой. Это выражение часто использовалось, чтобы описать периоды, когда или инциденты назревали, или напряжение было еще очень сильно после очередной схватки.

Что я вынесла из всего этого так это то, что я неудовлетворительно разрешила критическую проблему о моей роли в этом центре. Это случилось по двум причинам. Во-первых, резиденты, имели ограниченные интеллектуальные возможности. Я потратила много часов с ними объясняя тот факт, что я не являюсь штатным сотрудником, а в действительности я работаю в другом месте, которое называется Университет. В основном мои усилия были потрачены напрасно. Большинство резидентов полагало, что имелись только два типа людей: персонал и сами резиденты. Так как я не была резидентом, я стало быть автоматически была причислена к штату. Это было объяснением для них, но на самом деле это было неправильное объяснение. Я признаю, что в конечном итоге я сдалась на этот счет. Все слышащие члены команды персонала понимали мою роль, и среди них не было никакого замешательства. Однако, у них всегда присутствовало искушение оставить меня ответственной, так как я был всегда там, и кроме того, я была обучена работником патронажа, и это искушение было

порой непреодолимо. Поэтому, штат неуместно делегировал ответственность мне, а я ее принимала, поскольку к тому времени я

- а) немного походила на аборигена;
- б) перестала твердить постоянно о своей роли;
- с) и, наконец, видела свою главную цель в центре настолько скромный насколько возможно.

В итоге штатные сотрудники посчитали мое описание о сильном инциденте, ничем не примечательным и описали бесчисленные случаи, когда с ними случались намного более серьезные события. (cf. Lawrinson и Harris, 1994). Фактически, негласно было сказано, что жаловаться по такому поводу, или предавать огласке такие инциденты просто глупо. И из всего этого я сделала вывод, что в данной среде имелся опасный процесс акклиматизации, и что насилие по отношению к людям не замечалось и считалось настолько же обыденным, как и многое другое, происходящее каждый день.

Итак, как можем мы, являясь исследователями, справляться с насилием во время нашей полевой работы? Действительно ли параллельная "культура бравады" существует среди исследователей, подобная той, которая описана выше среди персонала Центра? И даже если я буду первым человеком, готовым подтвердить что некоторые ошибки были сделаны с моей стороны в инциденте с ножницами, и даже если было бы возможно более детально проанализировать, как и почему это произошло, все равно очень трудно понять каким образом этого эпизода можно было бы избежать. Моей первичной задачей в то время был полный сбор данных по теме моего исследования, но отнюдь я не желала 'раскачивать лодку' - и мне абсолютно не хотелось притягивать к себе больше внимания чем необходимо.

Инцидент фактически произошел непосредственно из-за неправильного истолкования моей роли (исследователь – не член персонала), и несмотря на все мои попытки заставить и резидентов и штат понимать это, все было напрасно. На мой взгляд, очень важно, чтобы роли были ясно заявлены сразу по прибытию в пункт назначения при проведении исследования. Я делала это, неоднократно, до бесконечности. Главная трудность здесь состояла в том, что я жила в резиденции в течение нескольких месяцев и будто бы слилась с окружающей обстановкой и людьми. Хотя с другой стороны, мое присутствие не было заметно уже после месяца - совершенная ситуация для участника-наблюдателя, но со свойственными трудностями роли. Даже помещение, которое я использовала, было предназначено для штата. По сути, этот центр отказывался давать мне какую-либо другую роль - это не было возможно. Это однако, оставляет проблему открытой, можно ли что-то полезное вынести из такого каждого случая насилия в поле, или каждое исследование, происходит в своей уникальной обстановке и поэтому имеет уникальный потенциал для возникновения насилия? По крайней мере, исследователи должны более открыто говорить по поводу этих проблем, поскольку я подозреваю, что они гораздо более широко распространены чем, в настоящее время думают.

В анализе этого сильного случая и попытке видеть ситуацию вне непосредственного ужаса, вызванного инцидентом, у меня появилась возможность сделать несколько заключений относительно действий принудительной власти внутри центра.

Действительно, эти властные отношения стали прозрачными через анализ инцидентов в ситуации кризиса, как тот пример насилия, который я уже приводила. Резиденты практически лишены какой-либо власти, в то время как видна явная неспособность штата осуществлять эффективный контроль и это все означало, что ни та ни другая сторона не знала, где проложены границы, они постоянно нарушались и повторно заново устанавливались. В результате для резидентов была создана атмосфера общего волнения и недоверия, и именно поэтому эта атмосфера была трудна и для управления и работы штата. Фактически это была, вероятно, наиболее существенная особенность, которая способствовала частоте появления агрессии. Однако, эти отношения власти не были очевидны на каждодневном уровне, но стали очевидными только в ситуациях кризиса. Пример, приведенный выше демонстрирует, насколько мало власти фактически имели резиденты (вспышка Виолетты, кажется, началась с расстройства по поводу недостатка денег; она была должна просить еще немного денег, унижаться и т.д), и насколько неэффективен штат был в 'управлении' ситуацией; в предотвращении развития насилия или имея дело с последствиями.

Гнев

Время от времени, даже 'маленькие' события в поле (в моем случае в реабилитационном центре) могли быть 'последней каплей' - приводящей порой этнографа в ярость. У меня есть еще один пример, записанный мной в блокнот, который касается эпизода, когда я находилась в спальне в Центре:

Полевые записи. Извлечение 3

Я начала задаваться вопросом, являются ли КЛЮЧИ более значимым символом чем, я предполагала. Вчера я взяла ключ руководителя, с брелка Мэриан так, чтобы я могла входить в свою комнату, думая что у нее имеется запасной. Я поместила записку на доске объявлений и взяла ключи. Её в тот момент не было, так что я оставила для нее записку. Вдруг она влетела в комнату вся трясясь - 'Как ты посмела взять ключ с моего брелока! НИКОГДА не смей этого делать впредь', - очень сердитая реакция - как она думает я могу войти в комнату, куда она же сама только недавно меня поместила? Я сделала четыре поездки вверх и вниз с ключами для того, чтобы подобрать именно тот ключ, который надо. Когда я наконец нашла тот, который подходил и вошла, я поняла, что мне вообще не надо было этого делать - замок был все равно сломан! Я не могла поверить в это. Комната была подобно маленькому шкафу - очень крошечная на самом деле. Никакой лампочки - я была вынуждена пробираться наощупь в темноте. Когда я наконец добралась до кровати, я обнаружила, что не имелось никаких постельных принадлежностей Опять назад в общежитие к большему количеству КЛЮЧЕЙ, затем еще одна проблема – не было простыней на моей кровати и необходимо было пойти и стащить простыни с другой кровати в общежитии. Сама кровать была подобно скале - едва ли на ней ко мне придет сон.

Когда я сошла вниз начать работу (я опоздала на завтрак, впрочем, никто вообще не сказал мне о времени завтрака и о том, что должна быть там раньше восьми) я увидела Сьюзен в прачечной, и она была очень агрессивна - ХОЧУ, ПОГОВОРИТЬ С ТОБОЙ (никакого доброго утра!) я подошла.

ПРОБЛЕМА НА ПРОБЛЕМЕ

ХОРОШО, - подумала я, итак мы поднялись наверх. Она открыла дверь моей комнаты:
ЭТО ВАШИ ВЕЩИ?

ДА.

ПЕРЕСЕЛЯЙТЕСЬ!!! ЭТО – МОЯ КОМНАТА.

Она открыла дверь шкафа и повесила свое пальто рядом с моим. Я знаками попыталась ей дать понять, что руководитель сказал, что это - моя комната. Она спросила, спала ли я там ночью и изменила предмет разговора, показывая мне ее новый шампунь. Она продолжала расчесывать волосы. «Что же мне делать?» - думала я. Она очевидно не была готова со мной рассуждать. Тогда я выкинула мой козырь:

СКОРО ПРИДЕТ СЛЕСАРЬ ЧТОБЫ ОТРЕМОНТИРОВАТЬ ДВЕРЬ.

Нет, сказала она, он не сможет отремонтировать дверь. Ох, а может и сможет ..., мне показалось что она берет меня «на понт», затем она еще немного порасчесывала свои волосы. Я решила, что, если она действительно собиралась ходить взад вперед из моей комнаты все утро, тогда скорее всего лучше не оставлять мой компьютер и сумочку, так что я забрала их. Я волновалась также относительно серебряных сережек, которые я оставила там. Она переставила все мои вещи. Позже, когда я пошла наверх чтобы взять свое пальто, поскольку мы выходили, она сказала мне, что ей надо сменить одежду и попросила меня выйти! Я сказала ей, что скоро может прийти слесарь, так что лучше поторопиться - она проигнорировала меня. Когда слесарь пришел она была полураздета, так что ПРОКЛЯТЬЕ, ПРОКЛЯТЬЕ, ПРОКЛЯТЬЕ, я только сумела договориться с ним, чтобы он пришел попозже и оформила заявку!

Как потом оказалось, она пользовалась этой комнатой немного в прошлом, но теперь жила дома и иногда только использовала комнату, чтобы переодеться. Я бы и не возражала, если бы она не была настолько противна и не вела бы себя так нагло. Она сказала мне, что я не должна оставлять свои вещи там, поскольку Глухие женщины могут вещи стянуть (служащие позже сказали мне, что она - одна из таких воровок) и я только поняла, что она хотела, чтобы я ушла.

Я управляла своими эмоциями главным образом подавляя их. Как ни странно, это помогло мне поддерживать дружеские но не близкие отношения с резидентами. Только позже я развила вид сочувствия, которое помогло рассеивать некоторые из моих отрицательных отношений. Однако, я не предлагаю, чтобы другие полевые исследователи отрицали то, что их порой обуревали отрицательные чувства. Скорее, если бы им не приходилось все время противостоять этим чувствам, кто знает, возможно они могли бы тратить меньшее количество времени в поле и иметь больше энтузиазма при проведении исследования. А может быть для них более сложно помнить те чувства позже и понимать их влияние на исследование. (Kleinman, 1991, p. 85).

Позже рабочие вернулись и сказали, что у меня неправильный номер комнаты. Я уладила это - они думали, что я перепутала блок. Так или иначе они сумели заменить мне ужасную кровать на более приличную, но когда они увидели сломанный замок двери, они начали знаками показывать мне, что это БОЛЬШАЯ РАБОТА и ТРУДНАЯ, и

объявили, что это необходимо отложить на завтра, - я надеюсь на Бога, что завтра это все же будет сделано.

Иметь дело с личным гневом к людям в исследовательской среде чрезвычайно трудно. Даже отделение эмоций лежащих в основе гнева сложно - в примере выше, мой собственный гнев был усилен изоляцией и злобностью Глухой женщины на обнаружение моих вещей в ее комнате. Проблемы власти, или недостатка этой власти, ясно просматривались в этом случае. Эта глухая женщина использовала в свою пользу тот факт, что я была 'периферийной' по отношению к месту исследования персоной. И я совершенно уверена, что она бы реагировала совсем не так, будь я одной из служащих, а реагировала бы она именно так, как реагируют все остальные на штатных сотрудников. (Они их боятся).

Хотя инцидент, описанный выше возмутил меня, я понимаю ретроспективно, что я описала это в примечаниях 'отдельным' способом, и я впоследствии пришла к пониманию, что это - не необычная практика в этнографии. Шерил Клейнман (Sherryl Kleinman) по-моему также сталкивалась в поле с подобными вещами.

По общему признанию, Клейнман (Kleinman) не описывает инциденты, которые угрожают персональной безопасности и существованию исследователя, и которые имеют тенденцию влиять с различной интенсивностью на способы запоминания исследователем событий в поле и их последующий анализ, но ее точка зрения поддерживает мой взгляд, что эмоции могут "управляться вовремя" и впоследствии тщательно исследоваться для аналитических целей в анализе данных. Действительно, используя собственное воспоминание эмоций, вызванных полевыми участниками, можно достаточно сильно продвинуться в осмыслении данных.

В анализе всякого рода столкновений, я постоянно должна напоминать себе, что это не было обычным событием, и что на самом деле было бы неблагоприятно ожидать, что люди в такой обстановке будут реагировать обычными способами в ответ на события, которые их раздражали. Резиденты оказались в этом реабилитационном центре потому, что у них оказалось сложно самим справляться с жизнью и им была нужна реабилитация. Это означает, в действительности, что правила повседневного существования не были к ним применимы и что то поведение, которое могло бы рассматриваться обычно как агрессивное или по крайней мере, конфронтационное, должно было происходить более часто. Я пришла к заключению, что моя собственная реакция, на эти инциденты была фактически в данной обстановке и с этими правилами, 'неправильной'.

Рефлексия. Повторное посещение полевых заметок

Эмоциональные эффекты этих опытов заставили меня задаться вопросом: почему я делала эту научно-исследовательскую работу вообще. В изобретении стратегии, которая должна была бы мне помочь справиться, я должна была отделить чувства расстройства, вызванного моей неумелостью говорить на языке глухих, от факта, что я не имела абсолютно никакого статуса, власти или даже доверия в этом центре, и к тому же отделить их и от интенсивных чувств жалости к себе, порожденной резкими условиями. И только когда я признала все эти чувства, я поняла их аналитическую

важность: возможно я нашла, что жить в таких условиях, в которых живут эти Глухие люди жестоко, но ведь они-то вынуждены жить там все время. Фактически, это было это, что впоследствии привело к моей полной оценке различий между мной и группой Глухих. Мой аргумент состоит в том, что только через такую рефлексивность, мы можем оценить полностью значение таких полевых опытов и что они должны учить нас познавать реальность жизни других людей.

Сосредоточение на эмоции в процессе исследования имеет дальнейшую подходящую цель. В течение всего процесса писания моей жизни в кругу Глухих людей я постоянно осознавала, что живость событий и первоначальное глубокое впечатление, которое они оказали на меня, привели к написанию текстов и, в очень реальном смысле, диктовали включение или исключение определенных событий в пределах них. Это – намного больше чем высказывание, что травма обеспечивает императив, поскольку часть описанных событий, вовсе не были травмирующими, они просто были острыми, радостными и иногда только 'странными'. Совершенно реальным способом, использование эмоций, подобно навигатору, позволило исследователю определить относительную важность событий в пределах производства этнографии. Действительно, имеются немного вещей в жизни, столь же 'основательных' как собственные эмоции и производство обоснованной теории, (Glaser и Strauss, 1967), как я считаю, - это прежде всего эмоциональный труд.

В перепосещении полевых записей, опыты, описанные выше кажутся столь же яркими, какими они были в то время, хотя воспоминания физической резкости исчезли. В их изучении и в моих попытках 'придания им смысла', я постоянно осознаю, что я использую живость опытов, чтобы строить мои анализы. Я вижу полезность этих опытов не только в 'обладании' ими, не только в поиске объяснений для них, но и для направления курса письменной работы. Поскольку Джудит Окли заявляет:

Интерпретации достигаются не только через комбинацию антропологического знания и текстового исследования, но также и через память о полевом опыте, через еще неописанные состояния, которые живут в полевом исследователе (Okley, 1994.)

Заключение

В исследовании и переосмыслении опыта моей полевой работы, я поняла, что эмоции, особенно вспоминаемые и воспроизводимые вновь по памяти, травмирующие эмоции, могут быть полезным аналитическим инструментом. Я хочу здесь более детально остановиться на той литературе, которая в како-то мере обсуждает проблемы, связанные с эмоциями.

Эмоции вообще описываются в литературе с различных позиций. Во-первых, как абстрактная концепция, которая в принципе мало чем помогает исследователю в поле. В литературе обсуждается то, чем эмоции отличаются от чувств и так далее. Вместе с тем в некоторой литературе, особенно феминистической, подчеркиваются те важные моменты, которые связаны с исследованиями в поле и то, каким образом они

затрагивают исследователя и процесс исследования вообще. Поэтому, пока некоторые феминистки подтвердили важность 'эмоции' и греха ее упущения в Декартовской онтологии, (Стэнли и Виздом, 1983, р. 196). В своих работах некоторые авторы – феминистки разрабатывают и более практические проблемы, связанные с эмоциями и чувствами в процессе исследования, именно те проблемы, которые в большинстве случаев игнорировались. Любопытно и то, что изучение 'эмоций' в некоторых текстах феминистки связывают и с более глубокими фундаментальными проблемами типа онтологии и эпистемологии (Стэнли и Виздом, 1983, р. 196). Так, например Джагар считает, что “эмоции скорее могут быть полезны и даже необходимы, чем недружелюбны к строительству знания”. (Jaggar, 1989, р.153) Так что важность эмоции подтверждена в различных текстах особенно феминистками. Вместе с тем оказалось, что обсуждение тех эффектов, воздействий и возможных стратегий, с помощью которых необходимо справляться с эмоциями, в дебатах практически нет. Почему - это так? Казалось бы, что одна причина - то, что дебаты относительно эмоций ведутся как правило на уровне, в значительной степени отличном от уровня эмпирического исследования и поэтому они как правило не затрагивают вопросы применимостью полученной теории на практике или ее полноценности для таких целей. Элисон Джагар (1989) например, приводит красноречивый случай важности эмоции в феминистской эпистемологии, но концентрируется почти исключительно на тех способах, с помощью которых эти эмоции были выделены авторами, вместо того, чтобы рассмотреть те эффекты использования эмоций в пределах эмпирических научно-исследовательских работ. Единственный намек, содержится только в том, что подчеркивается диалоговый процесс эмоций, что видно из следующей цитаты:

Также, как наблюдение направляет, формирует и частично определяет эмоции, также и эмоция направляет, формирует и даже частично определяет наблюдение. Наблюдение не просто пассивный процесс поглощения впечатлений или регистрации стимулов; напротив это - деятельность выбора и интерпретации. Что отобрано и как это интерпретируется обычно проходит под влиянием эмоциональных отношений. (Jaggar, 1989, р.160)

Что же касается социологии эмоций, то можно отметить, что несколько сокращенные дебаты по этому поводу можно найти у американского социолога Арли Хочшилда (Arlie Russell Hochschild (1975)), которая постаралась структурировать свои взгляды по поводу чувств и эмоций вокруг идеи “изображения действующих лиц”, участвующих в исследовании, Она считает, что эти действующие лица должны быть разделены на “сознающих/познавательных” и “не сознающих/эмоциональных”. Возможно, что эта типология на сегодня уже и устарела, но она, на наш взгляд, все еще очевидно имеет значение в свете тех дебатов, которые относятся к эмоциям. И если некоторые проблемы являются достаточно исследованными, некоторые проблемы, остаются невидимыми в социологической литературе. И в этом также состоит моя критика существующей литературы по эмоциям.

Наиболее детальное обсуждение, где затрагивается тема эмоциональных эффектов с которым исследователь сталкивается в поле, проводится в литературе, которая посвящена полевым исследованиям. Если говорить обо мне, то лучшее для именно моих

целей я считаю Клейнмана и Коппа (Kleinman и Copp (1993)), которые изучают проблему эмоций исследователя в качестве центральной темы. Фактически, имеются очень мало примеров, где бы эти вопросы были обсуждены вообще и еще меньше упоминаний о том, где авторы говорят о своем отношении к изучаемым людям, о своем гневе, злости и т.п. (Kleinman и Copp 1993, p. 49). Главный вклад авторов Клейнмана и Коппа, таким образом состоит в том, что они не только признают важность этой проблемы, но также и описывают те способы, с помощью которых чувства и эмоции исследователя могут быть использованы с целью анализа данных:

Как только я оглядываюсь назад, я рассматриваю мой гнев, как датчик неравенства. Этот датчик однако, склонен к ошибкам, но мы должны использовать его, для того, чтобы проверить, действительно ли мы являемся свидетелем несправедливости. Но мы можем проверить эту гипотезу, только если мы сначала признаем, что у нас появлялись такие чувства как гнев. Именно первое столкновение со своим самым плохим опасением, что в поле в определенный момент у меня совершенно отсутствовала эмпатия, именно это опасение приводило к тому, что я ясно формулировал свою аналитическую позицию и объяснял, почему именно это видение соответствует реальному положению вещей и полевым данным лучше, чем некоторая другая перспектива. (Kleinman и Copp, 1993, p. 51)

Столкновение с эмоциональными эффектами в этнографической работе – эти травмирующие и вместе с тем иногда положительные опыты, могут быть достаточно существенными и очень сильно затрагивать исследователя. Тем более обидно, что все еще сравнительно редко встречается, когда авторы включают описания и исследования интенсивных эмоций, которые они испытывали в своей полевой работе. Однако, такие поступки в действительности являются необходимыми, если мы действительно хотим назвать себя участниками тех или иных событий, назначений, (см. Hammersley и Atkinson, 1983, p. 14). Подтверждение эмоциональных эффектов такой полевой работы, позволяет нам вновь пережить моменты пребывания в поле в яркой манере. Этот опыт на уровне эмоций - мощный инструмент для анализа и последующего повторного анализа полевых примечаний. Я уже говорила выше о том, что при исследовании таким образом увеличивается понимание 'повседневных' социальных отношений групп.

Если бы дебаты в русле феминистических взглядов о важности социологии эмоций переместились из уровня теории в царство практики, то повысился бы аналитический уровень представления и анализа событий в поле. И на наш взгляд, такой ход событий мог бы быть выгоден как исследователям-практикам, так и теоретикам.

Ссылки

1. Bryman, A., & Burgess R. G. (Eds.). (1994). *Analysing qualitative data*. London: Routledge.
2. Glaser, B., & Strauss, A. (1967). *The discovery of grounded theory*. New York: Aldine.
3. Goffman, E. (1961). *Asylums*. London: Penguin Books.
4. Hammersley, M., & Atkinson, P. (1983). *Ethnography: Principles in practice*. London: Tavistock.
5. Harris, J. (1995a). *The cultural meaning of deafness*. London: Avebury Books.

6. Harris, J. (1995b). Boiled eggs & baked beans: A personal account of a hearing researcher's journey through deaf culture. *Disability & Society*, 10(3), 295-308.
7. Harris, J. (1996). An ethnographic account of participant observation in a residential home for deaf people. *Deaf Worlds*, 12(1), 12-16.
8. Hochschild, A. R. (1975). The sociology of feeling and emotion: Selected possibilities. In M. Millman & R. M. Kanter (Eds.), *Another voice: Feminist perspectives on social life and social science* (pp. 281-307). New York: Anchor Books.
9. Jaggar, A. M. (1989). Love & knowledge: Emotion in feminist epistemology. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 32(1), 151-176.
10. Kleinman, S. (1991). Field worker's feelings: What we feel, who we are, how we analyse. In W. B. Shaffir & R. A. Stebbins (Eds.), *Experiencing fieldwork: An inside view of qualitative research* (pp. 184-195). London: Sage.
11. Kleinman, S. & Copp, M. (1993). *Emotions & fieldwork*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
12. Lawrinson, S. & Harris, J. (1994). Violence in research settings: Experiences from the front line. *Applied Community Studies*, 2(1), 52-68.
13. Okely, J. (1994). Thinking through fieldwork. In A. Bryman & R. G. Burgess (Eds.), *Analysing qualitative data* (pp. 18-34). London: Routledge.
14. Stanley, L. & Wise, S. (1993). *Breaking out again: Feminist ontology & epistemology*. London: Routledge.